IV. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Гамбарян А. С., Айрапетян Ю. В. Признание вины и иска молчанием в уголовном и гражданском процессах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 754–765. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765.

Ghambaryan A. S., Airapetyan Yu. V. Priznanie viny i iska molchaniem v ugodovnom i grazhdanskom protsesakh [Admission of Guilt and a Claim by Silence in Criminal and Civil Proceedings]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 54. Pp. 754–765. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765.

УДК 340.115.4; 340.115.5; 342.72/.73; 340.131.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765

**ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ И ИСКА МОЛЧАНИЕМ
В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ**

А. С. Гамбарян

Российско-Армянский университет

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Ю. В. Айрапетян

Российско-Армянский университет

E-mail: yuriy-ayrapetyan@mail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2021

Введение: на протяжении долгих лет делалась попытка рассмотрения категории правового молчания в рамках материального и процессуального права и определения тех правовых последствий, которые возникают при отсутствии либо наличии молчания. Данная статья выгодно отличается от всех предыдущих разработок своей широтой и фундаментальностью изучения правовой сущности молчания с точки зрения признания вины и иска в процессуальном праве. **Цель:** осуществить историко-сравнительный анализ категории правового молчания на основе работ зарубежных и отечественных процессуалистов как дореволюционного времени, советского процессуального права, так и современного периода. В связи с тем, что относительно признания вины и ее последствий существуют разные подходы, для понимания их причин был исследован институт признания вины в рамках традиций англосаксонской и континентальной систем. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** историко-правовой анализ искомой категории процессуального молчания показал, что в англосаксонской системе к признанию вины путем молчания относятся с осторожностью, однако не исключается, что оно может рассматриваться в качестве допустимого способа решения спора. В континентальной системе прямое признание вины (как доказательство) не внушает доверия, оно не считается единственным доказательством, подтверждающим вину. **Выводы:** в армянском процессуальном праве наблюдается тенденция признания законодателем фактов молчания. Из ряда норм следует, что «не оспариванию фактов»

IV. COMPARATIVE AND FOREIGN LAW

Information for citation:

Ghambaryan A. S., Airapetyan Yu. V. Priznanie viny i iska molchaniem v ugodovnom i grazhdanskom protsesakh [Admission of Guilt and a Claim by Silence in Criminal and Civil Proceedings]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 54. Pp. 754–765. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765.

Гамбарян А. С., Айрапетян Ю. В. Признание вины и иска молчанием в уголовном и гражданском процессах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 754–765. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765.

UDC 340.115.4; 340.115.5; 342.72/.73; 340.131.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765

**ADMISSION OF GUILT AND A CLAIM BY SILENCE
IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS**

A. S. Ghambaryan

Russian-Armenian University

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Yu. V. Airapetyan

Russian-Armenian University

E-mail: yuriy-ayrapetyan@mail.ru

Received 01.04.2021

Introduction: over the years, there have been made attempts to consider the category of legal silence in the framework of substantive and procedural law and to determine those legal consequences that arise in the absence or presence of silence. This article compares favorably with all previous developments in its breadth and fundamental nature of the research into the legal essence of silence from the point of view of admission of guilt and a claim in procedural law. **Purpose:** to carry out a historical and comparative analysis of silence on the basis of works of foreign and domestic proceduralists, both those of the pre-revolutionary period, Soviet procedural law and modern legal scholars. Due to the fact that there are different approaches regarding the admission of guilt and its consequences, the institution of admission of guilt within the traditions of the Anglo-Saxon and continental systems was investigated to understand their causes. **Methods:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; special scientific methods such as legal-dogmatic and the method of interpretation of legal norms. **Results:** the historical and legal analysis of the sought category of procedural silence showed that in the Anglo-Saxon system admission of guilt by silence is treated with caution; however, it remains possible for it to be considered an acceptable way of resolving a dispute. In the continental system, direct admission of guilt (as evidence) is not credible, nor is it considered the only evidence of guilt. **Conclusions:** in Armenian procedural law, there is a tendency for the legislator to recognize the facts of silence. It follows from a number of norms that 'not challenging the facts' was given legal meaning, and a fact can be not disputed through taking no action aimed at challenging it, that is, by silence. The Russian legislator establishes different approaches to regulating the process of recognizing

было придано правовое значение, а факт можно не оспаривать, также и не выполняя действий, направленных на оспаривание, т. е. путем молчания. Российским законодателем устанавливаются различные подходы к регулированию процесса признания фактов, не подлежащих доказыванию в гражданском и арбитражном процессах в контексте молчания. Так, в последнем неоспаривание стороной требований или возражений другой стороны, а также отсутствие несогласия, которое можно обнаружить из смысла иных доказательств, трактуются как молчаливое (косвенное) признание факта.

Ключевые слова: признание вины молчанием; признание иска; формы признания; процессуальное право; гражданский процесс; уголовный процесс; акт распоряжения правом

ADMISSION OF GUILT AND A CLAIM BY SILENCE IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS

A. S. Ghambaryan

Russian-Armenian University

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Yu. V. Airapetyan

Russian-Armenian University

E-mail: yuriy-ayrapetyan@mail.ru

Received 01.04.2021

Introduction: over the years, there have been made attempts to consider the category of legal silence in the framework of substantive and procedural law and to determine those legal consequences that arise in the absence or presence of silence. This article compares favorably with all previous developments in its breadth and fundamental nature of the research into the legal essence of silence from the point of view of admission of guilt and a claim in procedural law. **Purpose:** to carry out a historical and comparative analysis of silence on the basis of works of foreign and domestic proceduralists, both those of the pre-revolutionary period, Soviet procedural law and modern legal scholars. Due to the fact that there are different approaches regarding the admission of guilt and its consequences, the institution of admission of guilt within the traditions of the Anglo-Saxon and continental systems was investigated to understand their causes. **Methods:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; special scientific methods such as legal-dogmatic and the method of interpretation of legal norms. **Results:** the historical and legal analysis of the sought category of procedural silence showed that in the Anglo-Saxon system admission of guilt by silence is treated with caution; however, it remains possible for it to be considered an acceptable way of resolving a dispute. In the continental system, direct admission of guilt (as evidence) is not credible, nor is it considered the only evidence of guilt. **Conclusions:** in Armenian procedural law, there is a tendency for the legislator to recognize the facts of silence. It follows from a number of norms that 'not challenging the facts' was given legal meaning, and a fact can be not disputed through taking no action aimed at challenging it, that is, by silence. The Russian legislator establishes different approaches to regulating the process of recognizing facts that are not subject to proof in civil and commercial proceedings in the context of silence. In the latter, the non-dispute by the party of the requirements or objections of the other party, as well as the absence of disagreement, which can be found from the meaning of other evidence, is interpreted as a tacit (indirect) recognition of the fact.

Keywords: admission of guilt by silence; recognition of a claim; forms of recognition; procedural law; civil procedure; criminal procedure; act of disposition of the right

facts that are not subject to proof in civil and commercial proceedings in the context of silence. In the latter, the non-dispute by the party of the requirements or objections of the other party, as well as the absence of disagreement, which can be found from the meaning of other evidence, is interpreted as a tacit (indirect) recognition of the fact.

Keywords: admission of guilt by silence; recognition of a claim; forms of recognition; procedural law; civil procedure; criminal procedure; act of disposition of the right

Information in Russian

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ И ИСКА МОЛЧАНИЕМ В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ

А. С. Гамбарян

Российско-Армянский университет

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Ю. В. Айрапетян

Российско-Армянский университет

E-mail: yuriy-ayrapetyan@mail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2021

Введение: на протяжении долгих лет делалась попытка рассмотрения категории правового молчания в рамках материального и процессуального права и определения тех правовых последствий, которые возникают при отсутствии либо наличии молчания. Данная статья выгодно отличается от всех предыдущих разработок своей широтой и фундаментальностью изучения правовой сущности молчания с точки зрения признания вины и иска в процессуальном праве. **Цель:** осуществить историко-сравнительный анализ категории правового молчания на основе работ зарубежных и отечественных процессуалистов как дореволюционного времени, советского процессуального права, так и современного периода. В связи с тем, что относительно признания вины и ее последствий существуют разные подходы, для понимания их причин был исследован институт признания вины в рамках традиций англосаксонской и континентальной систем. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** историко-правовой анализ искомой категории процессуального молчания показал, что в англосаксонской системе к признанию вины путем молчания относятся с осторожностью, однако не исключается, что оно может рассматриваться в качестве допустимого способа решения спора. В континентальной системе прямое признание вины (как доказательство) не внушает доверия, оно не считается единственным доказательством, подтверждающим вину. **Выводы:** в армянском процессуальном праве наблюдается тенденция признания законодателем фактов молчания. Из ряда норм следует, что «не оспариванию фактов» было придано правовое значение, а факт можно не оспаривать, также и не выполняя действий, направленных на оспаривание, т. е. путем молчания. Российским законодателем устанавливаются различные подходы к регулированию процесса признания фактов, не подлежащих доказыванию в гражданском и арбитражном процессах в контексте молчания. Так, в последнем неоспаривание стороной требований или возражений другой стороны, а также отсутствие несогласия, которое можно обнаружить из смысла иных доказательств, трактуются как молчаливое (косвенное) признание факта.

Ключевые слова: признание вины молчанием; признание иска; формы признания; процессуальное право; гражданский процесс; уголовный процесс; акт распоряжения правом

Введение

Формы признания вины (иска) в процессуальном праве. В данной части статьи молчание обвиняемого и исходящие от него условные выводы будут обсуждаться в ракурсе признания вины, поэтому необходимо рассмотреть некоторые общие соображения (за основу берем подход, согласно которому на стадии судебного разбирательства признание вины и согласие с предъявленным обвинением – это совпадающие по объему понятия).

Во-первых, в процессуальном праве признание вины (иска) достигается по-разному. Например, в английском праве оно может быть сделано устно или письменно, может быть явным или подразумеваться [1, с. 109]. Определенные конклюдентные действия в законодательстве отдельных иностранных государств имеют силу признания вины. Например, в индийском праве утвердительный кивок в ответ на прямое обвинение в преступлении расценивается как признание вины. Представляется также, что при определенных обстоятельствах просто пассивное поведение или молчание может расцениваться как признание. Ведущим прецедентом, дающим основание для такого предположения, является решение Апелляционного суда в деле *Bessela v. Stern* (1877). В этом деле, начатом по иску о нарушении обещания жениться, истица сказала ответчику: «Вы всегда обещали жениться на мне и не сдержали своего слова». Ответчик промолчал, и его молчание было истолковано как доказательство, подкрепляющее показание истицы. Но в этом же решении подчеркивалось, что молчание ответчика расценивается как признание только потому, что в данной ситуации он мог бы отрицать заявление истицы. Относительно того, как применяется этот принцип в уголовных делах, определенного мнения нет. Не вызывает сомнения, что определенное поведение обвиняемого может расцениваться как признание вины, например молчание в сочетании с манерой вести себя. И все же просто молчание, даже когда естественным образом ожидается отрицание заявления, вряд ли может составить признание (*R. v. Naylor*, 1933) [20, p. 592].

Как видим, в английском гражданском процессе отождествление молчания с призна-

нием иска (доказательств) само по себе не является спорным, однако даже в уголовном процессе Англии в общем недопустимо молчание обвиняемого приравнивать к признанию вины.

Во-вторых, в вопросе о признании вины молчание обвиняемого (как бездействие) *per se* ничего не выражает, следовательно, под формулировкой «признание вины молчанием» понимаем те ситуации, когда из молчания обвиняемого делается *условный вывод* о признании вины.

Признание вины молчанием – акт распоряжения правом на судебную защиту, или способ доказывания. Относительно признания вины и ее последствий есть разные подходы, для понятия их причин необходимо рассмотреть институт признания вины с точки зрения традиций англосаксонской и континентальной систем. Л. Головкич отмечает, что для классического англосаксонского подхода признание вины – это не разновидность показаний обвиняемого, а совершенно иное: отношение одной стороны к требованиям другой стороны, т.е. что-то вроде признания ответчиком иска в гражданском процессе. Если вина признается, то спора нет, соответственно, нет необходимости ни в присяжных, ни в судебном следствии, ни в исследовании доказательств. Классический континентальный подход исходит из того, что молчание является разновидностью показаний обвиняемого: в своих показаниях обвиняемый признает вину. В такой ситуации после отмены теории формальных доказательств континентальные правовые порядки принципиально настаивали на том, что признававшееся ранее «царицей доказательств» признание вины более таковой не является и должно рассматриваться в качестве рядового доказательства [12, с. 1030].

Принимая во внимание сказанное, можно сделать вывод, что в англосаксонской системе к признанию вины путем молчания относятся с осторожностью, однако не исключается, что оно может рассматриваться в качестве допустимого способа решения спора. В континентальной системе прямое признание вины (как доказательство) не внушает доверия, оно не считается единственным доказательством, подтверждающим вину. Естественно, в данной правовой системе недоверие к признанию вины еще больше усугубляется, когда речь идет о признании вины путем молчания. Следо-

Introduction

Forms of admission of guilt (a claim) in procedural law. In this part of the paper, the silence of the accused and the conditional conclusions coming from it will be discussed from the perspective of the admission of guilt. Thus, it is necessary to present some general considerations on the matter (we take as a basis the approach according to which at the stage of the trial the admission of guilt and admission of the charges brought against the accused are concepts that coincide in scope).

Firstly, in procedural law, the admission of guilt (a claim) is made in different ways. For example, in English law, it can be made orally or in writing, can be explicit or implied [1, p. 109]. Certain conclusive actions in the legislation of certain foreign states have the force of an admission of guilt. For example, in Indian law, an affirmative nod in response to a direct accusation of a crime is regarded as an admission of guilt. It also seems that under certain circumstances, simply passive behavior or silence can be regarded as recognition. The leading precedent giving grounds for such an assumption is the decision of the Court of Appeal in the case of *Bessela v. Stern* (1877). In this case, initiated by a claim for violation of a promise to marry, the plaintiff told the defendant: ‘You have always promised to marry me and have not kept your word’. The defendant remained silent, and his silence was interpreted as evidence supporting the plaintiff’s testimony. However, the same decision emphasized that the silence of the defendant is regarded as a confession only because in this situation he could deny the plaintiff’s statement. There is no clear opinion on how this principle is applied in criminal cases. There is no doubt that certain behavior of the accused can be regarded as an admission of guilt. For example, silence combined with the manner of behaving. Yet, mere silence, even when a denial of the statement is naturally expected, can hardly constitute a confession (*R. v. Naylor*, 1933) [20, p. 592].

As we can see, in the English civil process, the identification of silence with the recognition of the claim (evidence) is not in itself controversial;

however, even in the criminal process of England in general, it is unacceptable to equate the silence of the accused with a confession of guilt.

Secondly, on the issue of admission of guilt, the silence of the accused (as inaction) *per se* does not express anything; therefore, by the wording ‘admission of guilt by silence’, we mean those situations when a conditional conclusion about the admission of guilt is derived from the silence of the accused.

Admission of guilt by silence is an act of disposal of the right to judicial protection, or a method of proof. There are different approaches to admitting guilt and its consequences; to understand their causes, it is necessary to consider the institution of admission of guilt from the point of view of the traditions of the Anglo-Saxon and continental systems. L. Golovko notes that for the classical Anglo-Saxon approach, admission of guilt is not a kind of testimony of the accused but completely different: the attitude of one side to the requirements of the other side, i.e. something like the recognition by the defendant of the claim in the civil process. If the guilt is recognized, then there is no dispute, accordingly, there is no need for a jury, a judicial investigation, or an examination of evidence. The classical continental approach proceeds from the fact that it is a type of testimony of the accused: in his testimony, the accused admits guilt. In such a situation, after the abolition of the theory of formal evidence, the continental legal systems insisted that confession of guilt, previously recognized as the ‘queen of evidence’, was no longer perceived as such and was to be considered as ordinary evidence [12, p. 1030].

Taking into account what has been said, it can be concluded that in the Anglo-Saxon system, admitting guilt by silence is treated with caution, however, it is not excluded that it can be considered as an acceptable way to resolve a dispute. In the continental system, a direct admission of guilt (as proof) does not inspire confidence; it is not considered the only evidence confirming guilt. Naturally, in this legal system, distrust of admitting guilt is further aggravated when it comes to admitting guilt by silence. Therefore, silence in the

вательно, молчание в общем смысле не рассматривается как способ признания вины [9, с. 98]. В мусульманской правовой системе молчание не приравнивается к признанию вины, наоборот, оно отождествляется с непризнанием вины, в случае которого судья обязан во всем объеме изучить доказательства. Ученые и судьи к молчанию относятся скептически не только в тех случаях, когда молчание приравнивается к признанию вины, но и когда законодатель предлагает рассматривать молчание как способ принятия доказательств, предоставленных другой стороной.

Признание вины и признание обвинительного доказательства молчанием. Признание вины молчанием нужно отличать от неоспаривания обвинительных доказательств, т. е. от их признания путем молчания. И. Фойницкий отмечал, что молчание подсудимого не вменяется ему в вину; но если подсудимый оставляет без возражений изобличающие его доказательства, имея возможность опровергать их, то мы, естественно, склонимся к принятию их за основание нашего дальнейшего суждения по делу [15, с. 211]. М. Духовской также отмечал, что подсудимый может ни признавать, ни отрицать вину, а лишь молчать. При прежнем процессе за подсудимым не признавалось право молчать на суде. В действующих процессах и в том числе судебных уставах это воззрение оставлено, за подсудимым признано полное право молчать. Молчание подсудимого не должно быть принимаемо за признание им своей вины (ст. 685 УУС). Фактически, конечно, молчание всегда остается без влияния. Суд (особенно присяжных заседателей), решающий дело на основании совокупности всех обстоятельств дела, не может игнорировать поведения подсудимого на суде [11, с. 208–209].

Из позиции авторитетных процессуалистов становится ясно, что они разграничивают следующие случаи, когда: 1) неоспаривание обвинения приравнивается к признанию вины молчанием; 2) неоспаривание доказательств, предоставленных другой стороной, приравнивается к признанию молчанием доказательств, изобличавших личность. Первый случай (признание вины молчанием) они признают принципиально недопустимым, однако относительно второго режима (молчаливое признание обви-

нительного доказательства) в их позициях имеются неточности. И. Фойницкий отмечал, что если лицо имело возможность оспаривания доказательств, однако не сделало этого, то по данному делу в дальнейшем это обстоятельство может послужить основанием для некоторых суждений (автор не уточняет, о каких суждениях идет речь). М. Духовской, с одной стороны, отмечал, что фактически молчание всегда остается без влияния, с другой – суд не может игнорировать поведения подсудимого на суде. Возможно, что такая неоднозначность позиций авторов относительно признания доказательств молчанием связана с инерцией инквизиционного процессуального мышления. В любом случае, можно только предполагать, что в уголовном процессе этого времени признание обвинительных доказательств молчанием в отличие от принятия вины молчанием не было недопустимым.

Молчание – акт непослушания, признание – акт подчинения. В истории уголовного судопроизводства были периоды, когда обвиняемый не имел права хранить молчание, а его молчание было приравнено к признанию вины (иска). К примеру, в статье 101 главы X Соборного Уложения 1649 г. молчание ответчика рассматривалось как признание иска. В инквизиционном процессе молчание обвиняемого также приравнивалось к признанию вины. Л. Владимиров отмечал, что инквизиционный процесс, залезавший в душу человека и старавшийся добыть сознание прямое или молчаливое, исходил от нелепой мысли, что невиновный человек обыкновенно очень спокоен, не волнуется и твердо опровергает обстоятельства, против него приводимые [6, с. 335–336]. До принятия царского устава уголовного процесса суд имел право наказывать обвиняемого «за упорство или неприличное поведение обвиняемого перед судом». Комментируя это право суда, Я. Баршев указывает в качестве примера такого «неприличного поведения» обвиняемого «совершенное молчание на сделанные вопросы». Я. Баршев признает наказание за молчание совершенно справедливым, так как оно составляет «законное последствие противозаконного поведения» обвиняемого [3, с. 77–78].

В этом историческом периоде молчание обвиняемого было неприемлемо не только с

general sense is not considered as a way of admitting guilt [9, p. 98]. In the Muslim legal system, silence is not equated with an admission of guilt, on the contrary, it is equated with a non-admission of guilt, in case of which the judge is obliged to examine the evidence in full. Scholars and judges are skeptical about silence not only in cases where silence is equated with a confession of guilt but also when the legislator suggests considering silence as a way of accepting evidence provided by the other party.

Admission of guilt and recognition of the accusatory evidence by silence. Admission of guilt by silence should be distinguished from non-contesting of the accusatory evidence, that is, from recognition of the accusatory evidence by silence. As I. Foynitsky notes, the defendant's silence is not imputed to him; however, if the defendant lets the incriminating evidence pass unchallenged, though having an opportunity to refute it, then we, naturally, will be inclined to accept it as the basis of our further judgment in the case [15, p. 211]. M. Dukhovskoy also noted that the defendant can neither admit nor deny guilt but only remain silent. Under the previous process, the right to remain silent at the trial was not recognized for the defendant. In current processes, including in judicial statutes, this view is abandoned; the defendant has the full right to remain silent. Silence of the defendant should not be taken as a confession of his guilt (Article 685 of the Statute of Criminal Procedure). In fact, of course, silence always remains without influence. The court (especially the jurors), deciding the case on the basis of the totality of all the circumstances of the case, cannot ignore the behavior of the defendant in court [11, pp. 208–209].

From the position of authoritative processualists, it becomes clear that they distinguish between the following cases: 1) when the non-denial of the accusation is equated with the admission of guilt by silence, 2) when the non-denial of the evidence provided by the other party is equated with the recognition by silence of evidence that incriminated the person. The first case (admission of guilt by silence) is recognized by them as fundamentally unacceptable, but there are inaccuracies in their positions regarding the second regime (tacit recog-

nition of accusatory evidence). Foynitsky notes that if a person had the opportunity to challenge the evidence but did not do so, and then in this case in the future this circumstance may serve as the basis for some judgments (the author does not specify which judgments are in question). M. Dukhovskoy, on the one hand, notes that, in fact, silence always remains without influence; on the other hand, the court cannot ignore the behavior of the defendant at trial. It is possible that such ambiguity of the authors' positions regarding the recognition of evidence by silence is due to the inertia of inquisitorial procedural thinking. In any case, we can only assume that in the criminal process of this time, the recognition of accusatory evidence by silence, as opposed to accepting guilt by silence, was not unacceptable.

Silence is an act of disobedience, recognition is an act of submission. In the history of criminal proceedings, there were periods when the accused did not have the right to remain silent, and his silence was equated with a confession of guilt (a claim). For example, in Article 101 of Chapter X of the Cathedral Code of 1649, silence of the defendant was considered to be recognition of the claim. In the inquisition process, the silence of the accused was also equated with a confession of guilt. L. Vladimirov notes that the inquisition process, digging into a person's soul and trying to obtain a confession, direct or silent, proceeded from the absurd idea that an innocent person is usually very calm, does not show any signs of anxiety, and firmly refutes the circumstances cited against him [6, pp. 335–336]. Before the adoption of the Tsarist statute of criminal procedure, the court had the right to punish the accused 'for the persistence or indecent behavior of the accused before the court'. Commenting on this right of the court, Ya. Barshev points out as an example of such 'indecent behavior' of the accused 'perfect silence on the questions made'. Ya. Barshev recognizes the punishment for silence as completely fair, since it is a 'legitimate consequence of the illegal behavior' of the accused [3, pp. 77–78].

In this historical period, the silence of the accused was unacceptable not only from a legal

юридической, но и с моральной точки зрения. И. Бентам рассматривал молчание подсудимого как негативное явление, сравнивая его с ложными показаниями. Он указывал: «Лживый ответ, признанный за ложь, произведет еще худшее впечатление, нежели молчание» [4, с. 178]. Он описывал такие ситуации, когда обвиняемый, который не может предоставить оправдывающие доказательства, придерживался бы молчания, если не боялся его последствий. «Но, как молчание в подобном случае обыкновенно признается равнозначительным сознанию, то он будет прибегать к нему только при последней крайности» [4, с. 178]. Кроме того, хотя он писал, что молчание, как правило, равнозначно признанию, но провел различие между молчанием и признанием: «Молчание есть акт непослушания; признание есть акт подчинения. Непослушание перед начальством вызывает раздражение; таким образом, уstraшенный обвиняемый предполагает, что упорным молчанием он усилит строгость судьи, а что признание расположит его к снисхождению» [4, с. 179].

Признание вины молчанием в процессуальном праве (исторические аспекты)

Признание вины и иска молчанием в дореволюционном российском уголовном и гражданском процессах. Как было отмечено, в дореволюционном российском уголовном процессе молчание обвиняемого не приравнивалось к принятию вины. статья 685 УУС гласила: «молчание подсудимого не должно быть принимаемо за признание им своей вины». В данный период времени многие европейские страны молчание обвиняемого также не приравнивали к признанию вины. Так, большая часть европейских уложений (Австр. ст. 399, п. 3, Прусс. § 370) для действительности признания требовали: а) чтобы оно было сделано в суде; б) изъяснено ясно, точно *и словами*, а не знаками [10, с. 78–79]. Из регулирования, предусматривающего признание вины исключительно **словами**, можно предположить, что в указанных Уставах молчание не могло приравниваться к признанию вины.

Однако в гражданском процессе Уставом гражданского судопроизводства 1864 года пре-

дусматривалось три случая, которые можно отнести к **молчаливому признанию**:

1) в случае отказа стороны от представления требуемого у нее противником документа, когда она не отрицает, что он у нее находится, суд может признать доказанными обстоятельства, в подтверждение коих была сделана ссылка на документ (ст. 444 Устава гражданского судопроизводства);

2) отказ от принятия присяги, уже назначенной судом, или неявка к присяге должны считаться признанием уклонившейся стороной правильности противоположного утверждения другой стороны (ст. 492 Устава гражданского судопроизводства);

3) если сторона сама признает действительность такого обстоятельства, которое служит в утверждение прав ее противника, то оно считается не требующим дальнейших доказательств (ст. 480 Устава гражданского судопроизводства)¹.

Признание вины (иска) молчанием в советском процессуальном праве. В советском гражданском и уголовном процессах, перед которыми стояла задача выявления объективной (материальной) истины, не признавались не только молчание как признание вины (иска), но и позиция прояснения уголовного процесса при прямом признании вины. К. Юдельсон отмечал, что советское гражданское процессуальное право не считает молчание доказательством признания фактов, утверждаемых другой стороной, потому что оно последовательно проводит идею всемерного установления материальной истины. В советском социалистическом гражданском процессе воздержание одной стороны от объяснений по поводу утверждений другой не имеет никакого доказательственного значения. Суд не может считать молчание признанием факта или права. В процессе молчание не есть выражение согласия с чужим утверждением о фактическом составе основания иска, ибо оно ничего не прибавляет к действительным данным об истинности события, а между тем именно это (установление истинности события, действия) является целью процесса [16, с. 63].

¹ Молчание – знак согласия? // Юрист предприятия в вопросах и ответах. 2012. №12. С. 3. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/ED6482431A9987C50C3482EA78FE36E6_dk.pdf.

but also from a moral point of view. I. Bentham considered the silence of the defendant as a negative phenomenon, comparing it with false testimony. He pointed out: ‘A false answer, recognized as a lie, will make an even worse impression than silence’ [4, p. 178]. He described situations where the accused who could not provide exculpatory evidence would remain silent if he was not afraid of its consequences. ‘But, as silence in such a case is usually recognized as equivalent to consciousness, he will resort to it only at the last extreme’ [4, p. 178]. In addition, although he wrote that silence is usually equivalent to recognition, he drew a distinction between silence and recognition: ‘Silence is an act of disobedience; recognition is an act of submission. Disobedience in front of the authorities causes irritation; thus, the intimidated accused assumes that by persistent silence he will exacerbate the severity of the judge and that the confession will endear him to leniency’ [4, p. 179].

Admission of Guilt by Silence in Procedural Law (Historical Aspects)

Admission of guilt and a claim by silence in criminal and civil proceedings of pre-revolutionary Russia. As was noted above, in the pre-revolutionary Russian criminal trial, the silence of the accused was not equated with the acceptance of guilt. Article 685 of the Statute of Criminal Procedure stated: ‘The silence of the defendant should not be taken for admission of his guilt’. During this period of time, many European countries also did not equate the silence of the accused with a confession of guilt. For recognition to be accepted as valid, most European codes (e.g. Austrian – in Article 399, Clause 3; Prussian – in § 370) required that: a) it be made in court; b) expressed clearly, accurately and *in words*, not in signs [10, pp. 78–79]. From the regulation that provides for the admission of guilt solely **in words**, it can be assumed that in the mentioned Statutes silence could not be equated with admission of guilt.

However, in the civil procedure, the Charter of Civil Procedure of 1864 provided for

three cases that can be classified as **tacit recognition**:

1) if a party refuses to present the document demanded from him by his adversary, when he does not deny that it is with him, the court may recognize as proven the circumstances in support of which a reference was made to the document (Article 444 of the Charter of Civil Procedure);

2) refusal to take the oath already appointed by the court or failure to appear for the oath should be considered the acknowledgment by the evading party of the correctness of the opposite statement of the other party (Article 492 of the Charter of Civil Procedure);

3) if the party itself recognizes the validity of such a circumstance, which serves to assert the rights of his opponent, then it is considered not requiring further proof (Article 480 of the Charter of Civil Procedure)¹.

Admission of guilt by silence in Soviet procedural law. In Soviet civil and criminal proceedings, which were faced with the task of identifying the objective (material) truth, not only silence was not recognized as an admission of guilt (a claim) but also the position of clarifying the criminal process with a direct admission of guilt. As K. Yudel'son notes, Soviet civil procedural law does not consider silence as proof of the recognition of the facts asserted by the other side, because it consistently pursues the idea of all-round establishment of material truth. In the Soviet socialist civil process, the refraining of one side from explaining about the claims of the other has no evidentiary value. The court cannot consider silence as an admission of fact or right. In the process, silence is not an expression of agreement with someone else's statement about the actual composition of the basis of the claim because it does not add anything to the actual data about the veracity of the event, and yet this (establishing of the veracity of an event or an action) is the goal of the process [16, p. 63].

¹ Does silence mean consent? *A Corporate Lawyer in Questions and Answers*. 2012. No. 12. P. 3. Available at: http://www.arbitr.ru/_upimg/ED6482431A9987C50C3482EA78FE36E6_dk.pdf

Признание вины (иска) молчанием в современном процессуальном праве. В законодательстве и процессуальной науке постсоветских государств молчание хоть и не приравнивалось к признанию вины (иска), однако законодатель признавал возможность признания предъявленных другой стороной доказательств или обстоятельств молчанием противоположной стороны. Например, Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ статья 70 АПК РФ была дополнена частью 3.1 следующего содержания: «...обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований». Это нововведение процессуалистами не было воспринято однозначно. Отдельные авторы заявили: «Если раньше в основе признания лежало активное волеизъявление стороны, теперь признание возможно в результате констатации арбитражным судом молчаливого признания стороной обстоятельств дела. Согласно Закону № 228-ФЗ новыми способами признания стали неоспаривание обстоятельств, которые приводит другая сторона («признание-молчание»), и непредставление доказательств, из которых проистекало бы несогласие стороны с утверждаемыми обстоятельствами («признание-бездействие»)» [17, с. 60]. А. Т. Боннер по поводу части 3.1 статьи 70 АПК РФ пишет, что пассивное неопровержение стороной определенных фактов не должно освобождать суд от обязанности проверки обстоятельств дела [5, с. 60].

В процессуальном праве Республики Армения (РА) видим тенденцию признания законодателем фактов молчания. Так, согласно части 4 статьи 30 Административного процессуального кодекса РА, не требуют доказывания те факты, которые не были оспорены другой стороной, кроме случаев требования суда. В части 1 статьи 303 ГПК РА, принятого в 2018 г., для применения ускоренного процесса предусмотрено, среди прочих, следующее самостоятельное основание: требование должно быть основано на письменной сделке, а действительность **не должна быть оспорена ответ-**

чиком. Из отмеченных норм можно сделать вывод, что законодателем «не оспариванию фактов» было дано правовое значение, а факт можно не оспаривать также, и не выполняя действий, направленных на оспаривание, т. е. путем молчания.

Признание вины молчанием в современном уголовном процессе

Общие положения. В уголовном процессе можно выделить следующие модели правовых последствий молчания обвиняемого относительно вины (обвинения):

1) молчание не способ признания вины. В процессуальных кодексах отдельных государств прямо предусмотрено, что молчание приравнивается к *непризнанию* вины. Например, согласно части 2 статьи 365 УПК Казахстана, подсудимому должно быть разъяснено, что он не обязан отвечать на вопрос о том, признает он свою виновность или нет, и что отказ подсудимого отвечать не может быть истолкован во вред ему. Молчание подсудимого истолковывается как **непризнание им своей виновности**. В части 3 статьи предусмотрено, что молчание подсудимого истолковывается как **непризнание им гражданского иска**;

2) молчание как предполагаемое (условное) признание вины. Принимая во внимание публичный характер уголовного процесса, более вероятно, что государства в законах закрепят, что молчание *per se* не является способом признания вины. Однако в тех или иных правовых системах формируется правовая презумпция, согласно которой из молчания обвиняемого относительно обвинительных доказательств можно сделать условный вывод (предположение) о том, что он признает вину (молчаливое признание вины).

Доктрина молчаливых признаний факта (*tacit admissions*) прочно утвердилась в федеральном уголовном процессе США. Согласно федеральным правилам, обвинительное заявление, сделанное в присутствии и заслушивании обвиняемого, на которое он не отвечает, хотя у него есть возможность обратного, допустимо в качестве доказательства вместе с фактом молчания обвиняемого. В основе этого правила лежит то убеждение, что поведению человека присуще отрицание ложного обвинения. Следовательно, отказ в отрицании конкретного об-

Admission of guilt by silence in modern procedural law. Although legislation and procedural science of post-Soviet states did not equate silence with an admission of guilt (a claim), the legislator recognized the possibility of admitting the evidence or circumstances presented by the other party through the silence of the opposite party. For example, pursuant to Federal Law No. 228-FZ of July 27, 2010, Article 70 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF CPC) was supplemented with part 3.1 of the following content: ‘... the circumstances referred to by the party in support of his claims or objections are considered recognized by the other party unless they are directly challenged by him, or disagreement with such circumstances does not follow from other evidence substantiating the presented objections regarding the essence of the stated requirements’. This innovation was not unambiguously perceived by proceduralists. Some authors stated: ‘Recognition used to be based on the active expression of the will of the party, while now recognition is possible as a result of the statement by the commercial court of the tacit acknowledgment by the party of the circumstances of the case. According to Law No. 228-FZ, new methods of recognition were non-contestation of the circumstances brought by the other party (‘recognition-silence’) and failure to provide evidence from which the party would disagree with the alleged circumstances (‘recognition-inaction’)’ [17, p. 60]. With regard to part 3.1 of Article 70 of the RF CPC, A. T. Bonner writes that the passive non-denial of certain facts by a party should not exempt the court from the obligation to verify the circumstances of the case [5, p. 60].

In Armenian procedural law, there is also a tendency for the legislator to recognize the facts of silence. For example, according to part 4 of Article 30 of the Administrative Procedure Code of the Republic of Armenia, facts that have not been disputed by the other party do not require proof, except in cases of a court request. Part 1 of Article 303 of the Code of Civil Procedure of the Republic of Armenia, adopted in 2018, for the application of the accelerated process, the following independent basis is provided for among others: the claim must

be based on a written deal, and the reality **must not be challenged by the defendant**. From the abovementioned norms, it can be concluded that ‘not challenging the facts’ was given legal meaning by the legislator; and a fact can be as well not disputed through taking no action aimed at challenging it, that is, by silence.

Admission of Guilt by Silence in the Modern Criminal Process

General provisions. In the criminal process, the following models of legal consequences of silence of the accused regarding the guilt (accusation) can be distinguished:

1) Silence is not a method of admitting guilt. Procedural codes of individual states explicitly provide that silence is equated with *non-admission* of guilt. For example, according to part 2 of Article 365 of the Criminal Procedure Code of Kazakhstan, the defendant must be explained that he is not obliged to answer the question of whether he admits his guilt or not, and that the defendant’s refusal to answer cannot be interpreted to his detriment. The silence of the defendant is interpreted as a **non-admission of his guilt**. Part 3 of the same article provides that the defendant’s silence is interpreted as **his non-recognition of the civil claim**.

2) Silence as a presumed (conditional) admission of guilt. Taking into account the public nature of the criminal process, it is more likely that states will fix in their laws that silence *per se* is not a way of admitting guilt. However, in certain legal systems, a legal presumption is formed, according to which, from the silence of the accused regarding the accusatory evidence, it is possible to draw a conditional conclusion (assumption) that he admits guilt (*tacit admission of guilt*).

The doctrine of silent admissions of the fact (*tacit admissions*) is firmly established in the US federal criminal procedure. According to federal rules, an accusatory statement made in the presence and hearing of the accused to which he does not respond, although having possibility to speak to the contrary, is admissible as evidence together with the fact of the accused’s silence. This rule is based on the belief that a person’s behavior is characterized by the denial of a false accusation. Consequently, the refusal to deny a specific charge

винения вызывает серьезные сомнения в невиновности лица [18, с. 335].

Для предотвращения злоупотреблений данным правилом были созданы ряд требований. В частности, обвинение должно быть предъявлено в присутствии обвиняемого и оно должно быть доступно обвиняемому. Кроме этого, молчание лица, находящегося в заключении под стражей, не может рассматриваться как доказательство признания вины. Среднестатистический человек, кому было предъявлено обвинение во время заключения под стражу, может считать, что молчание – наилучший способ поведения, следовательно, будет молчать независимо от того, виновен он или невиновен в этом [19, с. 335].

В американском уголовном процессе доктрина молчаливого (условного) признания вины не поддерживается многими. По их мнению, данная теория не была проверена эмпирическим путем, она основана исключительно на концепции простого человеческого интуитивного поведения. Многие судьи также считают, что концепция условного признания вины молчанием неопределенная, оно, как доказательство, «очень опасно и нужно признавать с осторожностью», а другие судьи отметили, что доказательство признания вины только молчанием не может быть основанием (одно лишь доказательство молчаливого признания) обвинительного приговора [19, с. 210–258].

На основе молчания можно сделать условный вывод о признании вины в тех случаях, когда в законе употребляется формулировка «неоспаривание обвинения». Так, если обвиняемый не оспаривает обвинение (молчит), то из этого следует предположение о признании вины. Например, согласно части 3 статьи 487 УПК Кыргызстана, соглашение о признании вины может быть заключено при наличии следующих условий: подозреваемый, обвиняемый **не оспаривает** подозрение, обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного им вреда. Считаем, что лицо подозревание или обвинение может не оспаривать двумя способами: 1) прямо выразив, что не оспаривает обвинение; 2) путем молчания, т. е. не совершения действий, направленных на оспаривание обвинения (условное (предполагаемое) признание вины).

Значение признания вины молчанием (заявления об отказе оспаривать предъявленное обвинение) в гражданском процессе. В американском праве обвиняемый имеет возможность сделать заявление «Nolo contendere» или заявление о нежелании оспаривать обвинение. «Nolo contendere» – юридический термин, в основе которого лежит латинское выражение «не хочу спорить», «не желаю оспаривать». В американском праве «Nolo contendere» наличествует тогда, когда обвиняемый не признает вину, но и не оспаривает. В этом случае ответчик не желает участвовать в состязательном судебном процессе, но технически не объявляет о признании вины. Результат представления такого заявления тот же, что и в случае заявления о признании вины, т. е. суд выносит решение о виновности лица. Основное преимущество «Nolo contendere» заключается в том, что признание вины, подразумеваемое заявлением об отказе оспаривать обвинение, в отличие от заявления о признании вины является недопустимым при доказывании любого элемента правонарушений при рассмотрении гражданского иска. Представление заявления об отказе оспаривать предъявленное обвинение возможно только при согласии прокурора и судьи [14, с. 466].

В случае признания вины молчанием подсудимый прямо не выражает позицию (в отличие от прямого (позитивного) признания) относительно обвинения и изложенных в ее основе фактических обстоятельств, следовательно, нельзя заключить или предположить, что обвиняемый соглашается со всеми фактическими обстоятельствами, связанными с причинением вреда (это не относится к вреду, составляющему содержание обвинения (признак состава преступления)).

Молчание принципиально можно приравнивать к признанию вины, если оно полезно для обвиняемого (утилитаристское условие допустимости). Например, в отличие от прямого (позитивного) признания вины, в случае признания вины молчанием в ускоренном порядке хотя выносится обвинительный приговор, однако изложенные в приговоре обстоятельства (в части гражданского иска) для разрешения будущего гражданского спора не должны иметь преюдициального значения. Обвиняемый в случае признания вины молчанием (в отличие

raises serious doubts about the innocence of the person [18, p. 335].

A number of requirements have been created to prevent abuse of this rule. In particular, the charge must be presented in the presence of the accused and it must be available to the accused. In addition, the silence of a person in custody cannot be considered as proof of a confession of guilt. The average person who has been charged while in custody may believe that silence is the best way to behave, therefore, he will remain silent regardless of whether he is guilty or innocent [19, p. 335].

In the American criminal process, the doctrine of tacit (conditional) admission of guilt is not supported by many. In their opinion, this theory has not been tested empirically; it is solely based on the concept of simple human intuitive behavior. Many judges also believe that the concept of conditional admission of guilt by silence is vague, and as evidence it is ‘very dangerous and should be recognized with caution’, while other judges noted that proof of the confession of guilt based on silence alone could not be the basis of a guilty verdict [19, pp. 210–258].

On the basis of silence, it is possible to draw a conditional conclusion about the admission of guilt in cases where the law uses the phrase ‘non-confirmation of the charge’. Thus, if the accused does not dispute the accusation (is silent), then the assumption of a guilty plea follows from this. For example, according to part 3 of Article 487 of the Criminal Procedure Code of Kyrgyzstan, an agreement on admission of guilt can be concluded under the following conditions: the suspect or the accused **does not challenge** the suspicion, accusation, and evidence of the commission of the crime, the nature and amount of harm caused by them. We believe that a person may not challenge a suspicion or accusation in two ways: 1) by directly expressing that he does not dispute the accusation, and 2) by silence, that is, by not performing actions aimed at challenging the accusation (conditional (presumed) admission of guilt).

The value of admission of guilt by silence (statement of refusal to dispute the accusation brought) in civil proceedings. In American law, the accused has the opportunity to make a statement ‘Nolo contendere’ or a statement of unwillingness to challenge the charge. ‘Nolo contendere’ is a legal term based on the Latin expression ‘I do not want to argue’, ‘I do not want to dispute’. In American law, ‘Nolo contendere’ is present when the accused does not admit guilt but does not dispute it either. In this case, the defendant does not want to participate in an adversarial trial but technically does not declare a guilty plea. The result of submitting such a statement is the same as in the case of a plea of guilt, that is, the court makes a decision on the guilt of the person. The main advantage of ‘Nolo contendere’ is that the admission of guilt implied by a statement of refusal to challenge the charge, as opposed to a statement of guilt, is inadmissible when proving any element of offenses when considering a civil claim. Submission of an application for refusal to challenge the charge is possible only with the consent of the prosecutor and the judge [14, p. 466].

In the case of a confession of guilt by silence, the defendant does not directly express the position (as opposed to a direct (positive) confession) regarding the accusation and the factual circumstances stated in it; therefore, it cannot be concluded or assumed that the accused agrees with all the factual circumstances related to the harm (this does not apply to the harm that constitutes the content of the accusation (a sign of the elements of the offense)).

In principle, silence can be equated with an admission of guilt if it is useful for the accused (a utilitarian condition of admissibility). For example, in contrast to a direct (positive) admission of guilt, in the case of a confession of guilt by silence in an accelerated manner, although a guilty verdict is passed, the circumstances set out in the verdict (with regard to the civil claim) should not have a prejudicial value for the resolution of the future civil dispute. The accused, in the case of a confession of

от позитивного признания вины) должен иметь возможность в порядке гражданского судопроизводства оспорить обстоятельства, положенные в основу приговора.

Как было отмечено в разделе о прекращении уголовного преследования, при разграничении режимов прямого и молчаливого согласия подсудимый получает возможность: с одной стороны, достичь назначения более мягкого наказания (при согласии о применении ускоренного процесса); с другой стороны, при предъявлении гражданского иска против него в гражданском процессуальном порядке оспорить те обстоятельства, которые отражены в приговоре.

Для принятия позиции о разграничении режимов молчаливого и прямого (позитивного) согласия подсудимого необходимо пересмотреть предусмотренную частью 3 статьи 61 ГПК РА норму, согласно которой подтвержденные вступившим в законную силу приговором суда факты относительно деяний и лиц, их совершивших, при производстве по другому делу не подлежат повторному доказыванию.

Признание вины молчанием в современном гражданском процессе

Молчание есть признание факта? Признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Признание заносится в протокол судебного заседания. Письменное заявление о признании обстоятельств приобщается к материалам дела (ч. 2 ст. 68 ГПК РФ).

Рассматриваемые факты не подлежат доказыванию только при условии принятия такого признания судом. О признании стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения (ч. 2 ст. 68 ГПК РФ), указывается в мотивировочной части решения одновременно с выводами суда об установлении этих обстоятельств, если не имеется предусмотренных частью 3 статьи 68 ГПК РФ оснований, по которым принятие признания обстоятельств не допускается.

При вынесении решения судам необходимо иметь в виду, что право признания обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, принадлежит

и представителю стороны, участвующему в деле в ее отсутствие, если это не влечет за собой полного или частичного отказа от исковых требований, уменьшения их размера, полного или частичного признания иска, поскольку статья 54 ГПК РФ, определяющая полномочия представителя, не требует, чтобы указанное право было специально оговорено в доверенности¹.

В случае если у суда имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает признание, о чем выносится определение. В этом случае данные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях (ч. 3 ст. 68 ГПК РФ).

Однако, по мнению, М. К. Треушникова, сторона, сделавшая признание обстоятельств в установленном порядке, не лишается права отказать от признания в дальнейшем в этом же процессе.

Не может иметь юридического значения **«признание по умолчанию»**, когда сторона не заявляет о признании обстоятельств, но и не оспаривает их.

В судебной практике бывают случаи, когда обе стороны обходят молчанием те или иные обстоятельства, имеющие значение для дела. Такие обстоятельства не могут рассматриваться судом как установленные и не нуждающиеся в доказывании вследствие их **молчаливого признания** сторонами. В соответствии с частью 2 статьи 56 ГПК РФ, согласно которой суд выносит имеющие значение для дела обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на них не ссылались, он должен предложить сторонам подтвердить или опровергнуть данные обстоятельства [7, с. 165].

Разделяя точку зрения М. Е. Треушникова, Г. Л. Осокина указывает, что признание должно быть высказано вслух (устное признание) или явно выражено вовне в иной, письменной форме (письменное признание). Таким образом, **молчание**, т. е. неоспаривание одной стороной фактов, на которые другая сторона опирается в своих требованиях и возражениях, признанием не считается [13, с. 633]. Исходя от обратного, признание – это всегда акт, связанный с волей сторон.

¹ О судебном решении [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС РФ от 19 дек. 2003 г. № 23. П. 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

guilt by silence (as opposed to a positive admission of guilt), should be able to challenge the circumstances underlying the sentence in civil proceedings.

As it was noted in the section on the termination of criminal prosecution, when the regimes of direct and tacit consent are distinguished, the defendant receives the opportunity, on the one hand, to achieve a more lenient punishment (with the consent to use an accelerated process), on the other hand, when a civil claim is made against him, to challenge the circumstances reflected in the sentence in a civil procedural order.

In order to adopt a position on the differentiation of the modes of tacit and direct (positive) consent of the defendant, it is necessary to review the norm provided for in part 3 of Article 61 of the Civil Procedure Code of the Republic of Armenia, according to which the facts confirmed by the court verdict that has entered into legal force regarding the acts and the persons who committed them, during the proceedings in another case, are not subject to repeated proof.

Admission of Guilt by Silence in the Modern Civil Process

Is silence an admission of the fact? The recognition by a party of the circumstances on which the other party bases his claims or objections frees the latter from the need to further prove these circumstances. The confession is recorded in the minutes of the court session. A written statement of recognition of the circumstances is attached to the case materials (part 2 of Article 68 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation).

The facts under consideration are not subject to proof only if such a recognition is accepted by the court. The recognition by a party of the circumstances on which the other party bases his claims or objections (part 2 of Article 68 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation) is indicated in the reasoning part of the decision simultaneously with the conclusions of the court on the establishment of these circumstances, unless there are grounds provided for in part 3 of Article 68 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation for which acceptance of the recognition of circumstances is not allowed.

When making a decision, the courts should keep in mind that the right to recognize the circumstances on which the other party bases his

claims or objections belongs to the representative of the party participating in the case in his absence, provided that this does not entail a complete or partial rejection of the claims, a reduction in their size, full or partial recognition of the claim, since Article 54 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which defines the powers of the representative, does not require that this right be specifically stipulated in the power of attorney¹.

If the court has grounds to believe that the confession was made for the purpose of concealing the actual circumstances of the case or under the influence of deception, violence, threats, or conscientious delusion, the court does not accept the confession about which a ruling is issued. In this case, these circumstances are subject to proof on general grounds (part 3 of Article 68 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation).

However, according to M. K. Treushnikov, the party who made the recognition of the circumstances in the prescribed manner does not lose the right to refuse recognition in the future in the same process.

‘Default recognition’ cannot be given legal meaning when the party does not declare the recognition of the circumstances but does not dispute them either.

In judicial practice, there are cases when both sides ignore certain circumstances that are important for the case. Such circumstances cannot be considered by the court as established and not needing proof due to their tacit recognition by the parties. In accordance with part 2 of Article 56 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, according to which, the court puts the circumstances relevant to the case for discussion, even if the parties did not refer to them, it must invite the parties to confirm or refute these circumstances [7, p. 165].

Sharing the point of view of M. E. Treushnikov, G. L. Osokina points out that the recognition should be expressed out loud (oral recognition) or explicitly expressed externally in written form (written recognition). Thus, **silence**, i.e. the non-denial by one party of the facts on which the other party relies in his claims and objections, is not considered recognition [13, p. 633]. Proceeding from the opposite, recognition is always an act related to the will of the parties.

¹ On the Court Decision: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 of December 19, 2003. Clause. 10. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’

В. В. Ярков выделяет признания простые и квалифицированные. Простое признание содержит признание факта без каких-то оговорок. Например, ответчик соглашается, что пешеход двигался по пешеходному переходу. Квалифицированное признание содержит оговорку: «Да, пешеход шел по переходу, но уже загорелся для него красный свет светофора». В этом случае истец остается обязанным доказывать те обстоятельства, на которые ссылается (горел зеленый свет светофора), а ответчик доказывает сделанную оговорку (горел красный свет светофора для потерпевшего). **Молчание**, неоспаривание обстоятельств, утверждаемых одной из сторон или третьим лицом, не может считаться признанием. Признание должно быть надлежащим образом выражено и процессуально оформлено [8, с. 160].

В контексте исследуемого вопроса нельзя не согласиться с позицией С. Ф. Афанасьева и Т. А. Григорьевой о том, что в силу наличия начал следственности в гражданском процессе российскому суду общей юрисдикции недостаточно простого **молчания** для того, чтобы убедиться в истинности фактов, доказываемых той стороной, которая это утверждает. Благодаря этому, если ответчик не оспаривает факт, т. е. не приводит собственных доводов, его опровергающих, суд не должен трактовать таковой как бесспорный и освободить истца от доказательственной деятельности [2, с. 38].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о наличии единого подхода у авторов о том, что в рамках гражданского процесса **молчаливое признание факта не является признанием** и таковым быть не может ввиду отсутствия активного волеизъявления лица, а также конкретной формы его процессуального закрепления.

Особенности молчаливого признания в арбитражном процессе. В тексте части 3.1 АПК РФ и изложенных позициях авторов, указанных в статье ранее, четко прослеживается последовательная идея о том, что в арбитражном процессе неоспаривание стороной требований или возражений другой стороны, а также отсутствие несогласия, которое можно обнаружить из смысла иных доказательств, трактуется как **молчаливое (косвенное) признание факта** и, следовательно, освобождающее сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств.

Возникает логичный вопрос: почему право-творческий орган использует подобную модель законодательной дифференциации, устанавливая разные рамки регулирования процесса признания фактов, не подлежащих доказыванию в гражданском и арбитражном процессах?

Возможным ответом на поставленный вопрос могут послужить несколько причин принятия нововведения в АПК, наличествующих в теории арбитражного процесса: 1) оно направлено на последовательное развитие состязательных начал в арбитражном процессе и предполагает, что стороны должны иметь профессиональных представителей их интересов в суде в лице адвокатов, юристов, сотрудников юридических отделов и т. д.; 2) законодатель осознал необходимость дополнительных процессуальных мер для дисциплинирования сторон арбитражного судопроизводства, и прежде всего ответчика, причем при рассмотрении дела не только в первой, но и в апелляционной и кассационной инстанциях; 3) стремление обязать стороны активно участвовать в процессе и представлять свои возражения относительно заявленных требований и (или) доказательства, их опровергающие¹.

Однако рассматриваемые причины вряд ли могут быть использованы в качестве объяснения неодинакового подхода законодателя к вопросу признания обстоятельств путем молчания. Более того, то законодательное регулирование, которое закреплено в гражданском процессе, представляется более логичным ввиду следующих положений.

Во-первых, весь процесс рассмотрения и разрешения дела целиком и полностью зависит от волеизъявления сторон, следовательно, они, решая его юридическую судьбу, выбирают определенную модель поведения в виде активного действия. Молчание в этом контексте вытекает из смысла активного действия, потому что является формой бездействия;

Во-вторых, ставя знак равенства между молчанием и признанием, формально создается определенная негативная модель поведения ответчика, которая выражается в том, что последний, понимая возможность истолкования его молчания как признания, будет стремиться

¹ Молчание – знак согласия? // Юрист предприятия в вопросах и ответах. 2012. №12. С. 3. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/ED6482431A9987C50C3482EA78FE36E6_dk.pdf.

V. V. Yarkov distinguishes simple and qualified confessions. A simple confession contains a recognition of a fact without any reservations. For example, the defendant agrees that the pedestrian was moving along a pedestrian crossing. The qualified recognition contains a reservation: 'Yes, the pedestrian was crossing the road at the pedestrian crossing, but the traffic lights had already turned red for him'. In this case, the plaintiff remains obliged to prove the circumstances to which he refers (the green light of the traffic light was on), and the defendant proves the reservation made (the red light of the traffic light was on for the victim). **Silence**, non-contestation of circumstances claimed by one of the parties or a third person, cannot be considered a confession. The recognition must be properly expressed and formalized [2, p. 160].

In the context of the issue under study, it is impossible not to agree with the position of S. F. Afanasyev and T. A. Grigoryeva that, due to the existence of investigative principles in civil proceedings, a simple **silence** is not enough for the Russian court of general jurisdiction to be convinced of the truth of the facts proved by the party that claims them. Due to this, if the defendant does not dispute the fact, i.e. does not bring his own arguments refuting it, the court should not treat it as indisputable and release the plaintiff from evidentiary activity [8, p. 38].

The above allows us to conclude that there is a common approach among the authors that in civil proceedings **tacit recognition of a fact is not considered a recognition** and cannot be such due to the absence of an active expression of the will of the person as well as a specific form of its procedural formalization.

Features of tacit recognition in the commercial process. Both the text of part 3.1. of the RF CPC and the positions of the authors provided above clearly show that in the commercial process the non-dispute of the claims or objections of the other party, as well as the absence of disagreement, which can be detected from the meaning of other evidence, is interpreted as a **tacit (indirect) recognition of the fact** and, therefore, it is supposed to free the party from the need to prove such circumstances.

A logical question arises as to why the legislator uses this model of legislative differentiation, establishing different frameworks for regulating the process of recognizing facts that are not subject to proof in civil and commercial proceedings.

A possible answer to this question can be found in several reasons for the adoption of innovations in the RF CPC that are present in the theory of the commercial process: 1) it is aimed at the consistent development of adversarial principles in the commercial process and assumes that the parties should have professional representatives of their interests in court in the person of lawyers, lawyers, employees of legal departments, etc.; 2) the legislator realized the need for additional procedural measures to discipline the parties to the commercial proceedings and, above all, the defendant, and when considering the case not only in the first, but also in the appellate and cassation instances; 3) the desire to oblige the parties to actively participate in the process and submit their objections to the stated claims and (or) evidence refuting them¹.

However, the reasons under consideration can hardly be used as an explanation for the different approach of the legislator to the issue of recognizing circumstances by silence. Moreover, the legislative regulation that is fixed in the civil process seems more logical in view of the following provisions.

Firstly, the whole process of considering and resolving a case depends entirely on the will of the parties, therefore, when deciding its legal fate, they choose a certain model of behavior in the form of an active action. Silence in this context leaves out the meaning of active action, because it is a form of inaction;

Secondly, by equating silence and recognition, a certain negative model of the defendant's behavior is formally created, which is expressed in the fact that the latter, considering the possibility of interpreting his silence as a confession, will

¹ Does silence mean consent? *A Corporate Lawyer in Questions and Answers*. 2012. No. 12. P. 3. Available at: http://www.arbitr.ru/_upimg/ED6482431A9987C50C3482EA78FE36E6_dk.pdf.

спорить даже не имея серьезных доводов против факта другой стороны, чтобы его бездействие не послужило ему во вред.

В-третьих, отождествление молчания с признанием может повлечь за собой нежелательные споры в судах вышестоящей инстанции о том, вытекает ли из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований, несогласие с фактами, утверждаемыми другой стороной. И, как следствие, разбирательство будет сведено не к установлению обстоятельств дела, а к интерпретации представленных стороной доказательств и к объяснению ее позиций о том, чем их нужно считать – возражением против фактов или же молчанием.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы:

В англосаксонской системе к признанию вины путем молчания относятся с осторожностью, однако не исключается, что оно может рассматриваться в качестве допустимого способа решения спора. В континентальной системе прямое признание вины (как доказательство) не внушает доверия, оно не считается единственным подтверждающим доказательством.

В армянском процессуальном праве наблюдается тенденция признания законодателем фактов молчания. Из ряда норм следует, что «неоспариванию фактов» было дано правовое значение, а факт можно не оспаривать, также и не выполняя действий, направленных на оспаривание, т. е. путем молчания. Российским законодателем устанавливаются различные подходы к регулированию процесса признания фактов, не подлежащих доказыванию в гражданском и арбитражном процессах в контексте молчания. Так, в последнем неоспаривание стороной требований или возражений другой стороны, а также отсутствие несогласия, которое можно обнаружить из смысла иных доказательств, трактуется, как молчаливое (косвенное) признание факта.

На основе молчания возможно признание вины в тех случаях, когда в законе употребляется формулировка «неоспаривание обвинения». Лицо подозрение или обвинение может не оспаривать двумя способами: 1) прямо выразив, что не оспаривает обвинение, и 2) путем

молчания, т. е. не совершения действий, направленных на оспаривание обвинения (условное (предполагаемое) признание вины).

Для принятия позиции о разграничении режимов молчаливого и прямого (позитивного) согласия подсудимого необходимо пересмотреть предусмотренную частью 3 статьи 61 ГПК РА норму, согласно которой подтвержденные вступившим в законную силу приговором суда факты относительно деяний и лиц, их совершивших, при производстве по другому делу не подлежат повторному доказыванию.

Библиографический список

1. Артамонова Е. А. Волеизъявление обвиняемого в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Корнукова. М.: Юрлитинформ, 2019. 336 с.
2. Афанасьев С. Ф., Григорьева Т. А. К проблеме бесспорных обстоятельств по гражданским делам // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право, 2016. № 1 (5). С. 37–41.
3. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. С. 77–78.
4. Бентам И. О судебных доказательствах. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1874. 421 с.
5. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Изд. Проспект, 2014. 616 с.
6. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
7. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Дом «Городец», 2018. 832 с.
8. Гражданский процесс / под ред. Яркова В. В. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 702 с.
9. Гусенова П. А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской республики Иран и Королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 486 с.
10. Дегай П. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1847. С. 78–79.
11. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1910. 448 с.

strive to argue even without having serious arguments against the fact of the other party, so that his inaction does not harm him.

Thirdly, the identification of silence with a confession may lead to undesirable disputes in higher courts about whether disagreement with the facts claimed by the other party follows from other evidence substantiating the objections submitted regarding the substance of the claims. And, as a result, the proceedings will be reduced not to establishing the circumstances of the case, but to interpreting the evidence presented by the party and explaining his positions on what they should be considered to be – either an objection to the facts or silence.

Conclusion

Based on the foregoing, the following main conclusions of the study can be drawn:

In the Anglo-Saxon system, admission of guilt by silence is treated with caution; however, it remains possible for it to be considered an acceptable way of resolving a dispute. In the continental system, a direct admission of guilt (as evidence) is not credible; it is not considered the only evidence of guilt.

In Armenian procedural law, there is a tendency for the legislator to recognize the facts of silence. It follows from a number of norms that ‘not challenging the facts’ was given legal meaning, and a fact can be not disputed through taking no action aimed at challenging it, that is, by silence. The Russian legislator establishes different approaches to regulating the process of recognizing facts that are not subject to proof in civil and commercial proceedings in the context of silence. In the latter, the non-dispute by the party of the requirements or objections of the other party, as well as the absence of disagreement, which can be found from the meaning of other evidence, is interpreted as a tacit (indirect) recognition of the fact.

On the basis of silence, it is possible to admit guilt in cases where the law uses the wording ‘non-contestation of the accusation’. A person may not challenge suspicion or accusation in two ways: 1) by explicitly expressing that he does not challenge

the accusation, and 2) by silence, that is, not taking actions aimed at challenging the accusation (conditional (alleged) admission of guilt).

In order to adopt the position on the differentiation between the modes of tacit and direct (positive) consent of the defendant, it is necessary to review the norm provided for in part 3 of Article 61 of the Civil Procedure Code of the Republic of Armenia, according to which facts regarding the acts and the persons who have committed them being confirmed by the court verdict that has entered into legal force are not subject to repeated proof during proceedings in another case.

References

1. Artamonova E. A. *Voleiz'yavlenie obvinяemogo v уголовном судопроизводстве: monografiya* [The Will of the Accused in Criminal Proceedings: Monograph]. Ed. by Dr. jurid. sci., Prof. V. M. Kornukov. Moscow, 2019. 336 p. (In Russ.).
2. Afanas'ev S. F., Grigor'eva T. A. *K probleme besspornykh obstoyatel'stv po grazhdanskim delam* [On the Problem of Indisputable Circumstances in Civil Cases]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Politicheskie nauki i pravo* – Tambov University Review. Series Politics and Law. 2016. Issue 1 (5). Pp. 37–41. (In Russ.).
3. Barshev Ya. *Osnovaniya уголовного судопроизводства, s primeneniem k rossiyskomu уголовному судопроизводству* [Grounds of Criminal Proceedings, with Application to Russian Criminal Proceedings]. St. Petersburg, 1841. Pp. 77–78. (In Russ.).
4. Bentham J. *O sudebnykh dokazatel'stvakh* [On Judicial Evidence]. Kiev, 1876. 421 p. (In Russ.).
5. Bonner A. T. *Traditsionnye i netraditsionnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: Monografiya* [Traditional and Non-Traditional Means of Proving in Civil and Commercial Proceedings: Monograph]. Moscow, 2014. P. 60. (In Russ.).
6. Vladimirov L. E. *Uchenie ob уголовных доказательствах* [The Doctrine of Criminal Evidence]. Tula, 2000. 464 p. (In Russ.).
7. *Grazhdanskiy protsess: Uchebnik* [Civil Process: Textbook]. Ed. by M. K. Treushnikov; 6th ed., rev. and exp. Moscow, 2018. 832 p. (In Russ.).
8. *Grazhdanskiy protsess*. [Civil Procedure]. Ed. by V. V. Yarkov; 6th ed., rev. and exp. Moscow, 2006. 702 p. (In Russ.).

12. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с.
13. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма, 2013. 703 с.
14. Бернам У. Правовая система США. 3-е изд. М.: 2006. 466 с.
15. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.
16. Юдельсон К. С. Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе // Методические материалы / ВЮЗИ. М.: 1948. С. 62–78.
17. Юдин А. Молчание – знак согласия? // ЭЖ-Юрист. 2010. Issue 41. С. 5.
18. Clossey D. F. Tacit Criminal Admissions in Light of the Expanding Privilege Against Self-Incrimination // Cornell L. Rev. 1967. Вып. 52. С. 335–346. URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol52/iss2/10>.
19. Henry S. Hilles, Jr. Tacit Criminal Admissions // University of Pennsylvania Law Review. 1963. Vol. 112, Issue 2. С. 210–258.
20. The English legal system. Fourth edition by R. J. Walker. London, 1976. 616 с.

References

1. Artamonova E. A. Voleiz'yavlenie obvinяемого v ugovnom sudoproizvodstve: monografiya [The Will of the Accused in Criminal Proceedings: Monograph]. Ed. by Dr. jurid. sci., Prof. V. M. Kornukov. Moscow, 2019. 336 p. (In Russ.).
2. Afanas'ev S. F., Grigor'eva T. A. K probleme besspornykh obstoyatel'stv po grazhdanskim delam [On the Problem of Indisputable Circumstances in Civil Cases]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Politicheskie nauki i pravo – Tambov University Review. Series Politics and Law. 2016. Issue 1 (5). Pp. 37–41. (In Russ.).
3. Barshev Ya. Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva, s primeneniem k rossiyskomu ugovnomu sudoproizvodstvu [Grounds of Criminal Proceedings, with Application to Russian Criminal Proceedings]. St. Petersburg, 1841. Pp. 77–78. (In Russ.).
4. Bentham J. O sudebnykh dokazatel'stvakh [On Judicial Evidence]. Kiev, 1876. 421 p. (In Russ.).
5. Bonner A. T. Traditsionnye i netraditsionnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: Monografiya [Traditional

and Non-Traditional Means of Proving in Civil and Commercial Proceedings: Monograph]. Moscow, 2014. P. 60. (In Russ.).

6. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugovnykh dokazatel'stvakh [The Doctrine of Criminal Evidence]. Tula, 2000. 464 p. (In Russ.).
7. Grazhdanskiy protsess: Uchebnik [Civil Process: Textbook]. Ed. by M. K. Treushnikov; 6th ed., rev. and exp. Moscow, 2018. 832 p. (In Russ.).
8. Grazhdanskiy protsess. [Civil Procedure]. Ed. by V. V. Yarkov; 6th ed., rev. and exp. Moscow, 2006. 702 p. (In Russ.).
9. Gusenova P. A. Islamskiy ugovnyy protsess: religiozno-pravovaya priroda i kharakternye cherty (na primere Islamskoy respubliki Iran i Koroлевства Saudovskaya Araviya): diss. ... kand. yurid. nauk [Islamic Criminal Procedure: Religious and Legal Nature and Characteristics (a Case Study of the Islamic Republic of Iran and the Kingdom of Saudi Arabia): Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2016. 458 p. (In Russ.).
10. Degay P. Vzgl'yad na sovremennoe polozhenie ugovnogo sudoproizvodstva [A View on the Current State of the Criminal Justice]. St. Petersburg, 1847. Pp. 78–79. (In Russ.).
11. Dukhovskoy M. V. Russkiy ugovnyy protsess [Russian Criminal Procedure]. Moscow, 1910. 448 p. (In Russ.).
12. Kurs ugovnogo protsessa [The Course on Criminal Procedure]. Ed. by L. V. Golovko. Moscow, 2016. 1276 p. (In Russ.).
13. Osokina G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshhaya chast': Uchebnik [Civil Procedure. General Part: Textbook]. 3rd ed., rev. Moscow, 2013. 703 p. (In Russ.).
14. Burnham W. Pravovaya sistema SShA [Legal System of the United States of America]. 3rd ed. Moscow, 2006. 466 p. (In Russ.).
15. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva [Criminal Justice Course]. Ed. by A. V. Smirnov. St. Petersburg, 1996. Vol. 2. 606 p. (In Russ.).
16. Yudel'son K. S. Sudebnoe priznanie kak osnovanie osvobozhdeniya ot dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse [Judicial Recognition as a Basis for Exemption from Proof in the Soviet Civil Process]. Metodicheskie materialy. Vsesoyuznyy yuridicheskiy zaochnyy institut [Methodological Materials. All-Union Correspondence Law Institute]. Moscow, 1948. Pp. 62–78. (In Russ.).

9. Gusenova P. A. Islamskiy ugovnyy protsess: religiozno-pravovaya priroda i kharakternye cherty (na primere Islamskoy respubliki Iran i Koroлевства Saudovskaya Araviya): diss. ... kand. yurid. nauk [Islamic Criminal Procedure: Religious and Legal Nature and Characteristics (a Case Study of the Islamic Republic of Iran and the Kingdom of Saudi Arabia): Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2016. 458 p. (In Russ.).
10. Degay P. Vzgl'yad na sovremennoe polozhenie ugovnogo sudoproizvodstva [A View on the Current State of the Criminal Justice]. St. Petersburg, 1847. Pp. 78–79. (In Russ.).
11. Dukhovskoy M. V. Russkiy ugovnyy protsess [Russian Criminal Procedure]. Moscow, 1910. 448 p. (In Russ.).
12. Kurs ugovnogo protsessa [The Course on Criminal Procedure]. Ed. by L. V. Golovko. Moscow, 2016. 1276 p. (In Russ.).
13. Osokina G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshhaya chast': Uchebnik [Civil Procedure. General Part: Textbook]. 3rd ed., rev. Moscow, 2013. 703 p. (In Russ.).
14. Burnham W. Pravovaya sistema SShA [Legal System of the United States of America]. 3rd ed. Moscow, 2006. 466 p. (In Russ.).
15. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva [Criminal Justice Course]. Ed. by A. V. Smirnov. St. Petersburg, 1996. Vol. 2. 606 p. (In Russ.).
16. Yudel'son K. S. Sudebnoe priznanie kak osnovanie osvobozhdeniya ot dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse [Judicial Recognition as a Basis for Exemption from Proof in the Soviet Civil Process]. Metodicheskie materialy. Vsesoyuznyy yuridicheskiy zaochnyy institut [Methodological Materials. All-Union Correspondence Law Institute]. Moscow, 1948. Pp. 62–78. (In Russ.).
17. Yudin A. Molchanie – znak soglasiya? [Does Silence Mean Consent?]. EZh-Yurist – EZh-Lawyer. 2010. Issue 41. P. 5. (In Russ.).
18. Clossey D. F. Tacit Criminal Admissions in Light of the Expanding Privilege Against Self-Incrimination. Cornell Law Review. 1967. Vol. 52. Issue 2. Article 10. Pp. 335–346. Available at: <http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol52/iss2/10>. (In Eng.).
19. Hilles H. S., Jr. Tacit Criminal Admissions. University of Pennsylvania Law Review. 1963. Vol. 112. Issue 2. Pp. 210–258. (In Eng.).

20. Walker R. J. The English Legal System. 4th ed. London, 1976. 616 p. (In Eng.).

References in Russian

1. Артамонова Е. А. Волеизъявление обвиняемого в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Корнукова. М.: Юрлитинформ, 2019. 336 с.
2. Афанасьев С. Ф., Григорьева Т. А. К проблеме бесспорных обстоятельств по гражданским делам // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право, 2016. № 1 (5). С. 37–41.
3. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. С. 77–78.
4. Бентам И. О судебных доказательствах. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1874. 421 с.
5. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Изд. Проспект, 2014. 616 с.
6. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
7. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Дом «Городец», 2018. 832 с.
8. Гражданский процесс / под ред. Яркова В. В. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 702 с.
9. Гусенова П. А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской республики Иран и Королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 486 с.
10. Дегай П. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1847. С. 78–79.
11. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1910. 448 с.
12. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с.
13. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма, 2013. 703 с.
14. Бернам У. Правовая система США. 3-е изд. М.: 2006. 466 с.
15. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.

17. *Yudin A. Molchanie – znak soglasiya?* [Does Silence Mean Consent?]. *EZh-Yurist* – *EZh-Lawyer*. 2010. Issue 41. P. 5. (In Russ.).

18. *Clossey D. F.* Tacit Criminal Admissions in Light of the Expanding Privilege Against Self-Incrimination. *Cornell Law Review*. 1967. Vol. 52. Issue 2. Article 10. Pp. 335–346. Available at:

Информация об авторах:

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянский университет 0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13 (2).322-331

Ю. В. Айрапетян, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и гражданского процессуального права Российско-Армянский университет 0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
ORCID: 0000-0002-2202-2257
ResearcherID: AAT-9150-2021

<http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol52/iss2/10>. (In Eng.).

19. *Hilles H. S., Jr.* Tacit Criminal Admissions. *University of Pennsylvania Law Review*. 1963. Vol. 112. Issue 2. Pp. 210–258. (In Eng.).

20. *Walker R. J.* The English Legal System. 4th ed. London, 1976. 616 p. (In Eng.).

About the authors:

A. S. Ghambaryan
Russian-Armenian University
123, Ovsepa Emina st., Yerevan, 0051, Armenia
ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13 (2).322-331

Yu. V. Airapetyan
Russian-Armenian University
123, Ovsepa Emina st., Yerevan, 0051, Armenia
ORCID: 0000-0002-2202-2257
ResearcherID: AAT-9150-2021

16. *Юдельсон К. С.* Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе // Методические материалы / БЮЗИ. М.: 1948. С. 62–78.

17. *Юдин А.* Молчание – знак согласия? // ЭЖ-Юрист. 2010. Issue 41. С. 5.

18. *Clossey D. F.* Tacit Criminal Admissions in Light of the Expanding Privilege Against Self-

About the authors:

A. S. Ghambaryan
Russian-Armenian University
123, Ovsepa Emina st., Yerevan, 0051, Armenia
ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13 (2).322-331

Yu. V. Airapetyan
Russian-Armenian University
123, Ovsepa Emina st., Yerevan, 0051, Armenia
ORCID: 0000-0002-2202-2257
ResearcherID: AAT-9150-2021

Incrimination // *Cornell L. Rev.* 1967. Вып. 52. С. 335–346. URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol52/iss2/10>.

19. *Henry S. Hilles, Jr.* Tacit Criminal Admissions // *University of Pennsylvania Law Review*. 1963. Vol. 112, Issue 2. С. 210–258.

20. *The English* legal system. Fourth edition by R. J. Walker. London, 1976. 616 c.

Информация об авторах:

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянский университет 0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13 (2).322-331

Ю. В. Айрапетян, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и гражданского процессуального права Российско-Армянский университет 0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
ORCID: 0000-0002-2202-2257
ResearcherID: AAT-9150-2021